Ученые записки Новгородского государственного университета. 2021. № 4 (37). С. 389-396.

УДК 94(47).084.6 https://doi.org/10.34680/2411-7951.2021.4(37).389-396

И.М.Сапронов

НЕУБИВАЕМЫЙ «ГЛАВКИЗМ» И ВОПРОСЫ ФИНАНСИРОВАНИЯ ГОСПРЕДПРИЯТИЙ: ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА БОЛЬШЕВИКОВ В 1917—1923 ГГ.

Экономическая политика всегда формируется под влиянием множества факторов и оказывается по итогу попыткой примирить хаотические и часто непредсказуемые движения рынка с замыслами наиболее централизованных групп капитала. В Советской России проведение генеральной политической линии изначально отталкивалось от общего хозяйственного плана, формировавшегося государством «пролетарской диктатуры», которое объединило все крупнейшие средства производства под своим контролем. Централизованность и прямота этого процесса являлись, однако, оптической иллюзией, в то время как рыночная анархия в целом не ослабла, изменяясь лишь по форме — принимая вывеску «государственного капитала». Этот процесс наилучшим образом отражается в динамике «трестирования» русской промышленности и сложных дискуссиях, которые велись в Политбюро ЦК РКП(б) по вопросу о финансировании национальной промышленности. Демонстрация борьбы «главков» и «центров», объединявших формально государственные предприятия, позволит провести более точный учет действовавших социальных сил, которые зачастую оказывали определяющее влияние на содержание экономической политики большевиков.

Ключевые слова: российская экономика; экономическая история; советская промышленность; индустриализация; экономическое планирование

Многие квалифицированные инженерные кадры, отождествлявшие свой труд с судьбой российской державы, выражали искреннее разочарование от революционных преобразований, обернувшихся крахом русской промышленности. Проф. В.И.Гриневецкий с нескрываемой раздраженностью писал в 1919 г., что «идеология, которая строила пышные замки социального благополучия и с этой высоты смотрела на “мещанский” Запад, на деле оказалась не в состоянии построить самого бедного здания государственности. Для этого у нее не оказалось ни реального плана, ни практического умения строителей, ни правильной оценки располагаемых материалов и рабочих сил». Недвусмысленно намекая на вину социалистов, уважаемый специалист видел в революции лишь разрушение и «полное банкротство [их] интеллигентской идеологии» [1, с. 3]. Полностью разделяя лозунг обороны страны от «неотвратимого национального стремления Германии на восток» [1, с. 50], он все же был вынужден признать, что тяжелые последствия для российской промышленности от затяжной войны были фактически предопределены объективными причинами — в первую очередь, самой структурой экономики России накануне 1914 г., характеризовавшейся недостаточной силой тяжелой и машиностроительной индустрии. Показательной является оценка В.И.Гриневецкого, касавшаяся мощности машиностроительной отрасли дореволюционной России: она обеспечивала свою потребность в оборудовании и средствах производства за счет импорта более, чем на 60% [1, с. 33]. Послевоенное восстановление промышленного аппарата было неразрывно связано с возможностью провести масштабную реконструкцию производственного аппарата.

Последствия международного кризиса Первой мировой войны и особенности «русского сектора» мирового рынка формируют широкий круг проблем, требующих сегодня от историков детального изучения. Среди проблем истории нэповской России следует особенно выделить две: во-первых, противоречивую трансформацию системы управления национализированной промышленностью, и, во-вторых, пути изыскания материальных средств для индустриализации страны.

Стоит сказать, что мы имеем уже столетнюю перспективу для оценки «стратегического маневра» НЭПа, и историография, посвященная хозяйственно-политическим процессам советского общества в 1920-е гг., невероятно многочисленна и разнообразна. Сегодня историки задаются вопросом о том, какие выводы, наконец, можно сделать из всего накопленного комплекса знаний [2, с. 3]. Специалист по истории российской экономики М.Ю.Мухин в своей последней статье отказывает современникам нэповских событий — «В.И.Ленину, Н.И.Бухарину и Л.Д.Троцкому» — в праве считать их работы частью историографии, утверждая, что «историографию пишут все же историки, а не политики» [2, с. 4]. С таким подходом можно согласиться, однако, представляется, что это все-таки больше номинативная проблема. В исследовании таких капитальных тем, какой является экономическая история СССР, нередки случаи, когда отдельные работы историков представляют собой отрицательную величину в общей историографической сумме. Хотя и не обладая государственным дипломом истфака, многие современники описываемых событий, принимавшие участие в принятии важнейших решений Советской России, могут дать очень многое для нашего понимания НЭПа в XXI в. Целый ряд вопросов экономической истории СССР оказался фетишизирован в формулах «социализма в одной стране» и историографическом мифе о командно-плановой экономике в СССР, прочно укоренившихся в работах как советских, так и современных историков-специалистов. Оценить наследие русской историографии «по гамбургскому счету» будет невозможно без того, чтобы взять за основу теоретическое наследие главных действующих лиц 1920-х гг. — протагонистов НЭПа. В данной статье особое внимание будет уделено именно их словам.

Таким образом, цель статьи можно свести к определению общих контуров изменений промышленного аппарата Советской России в первые годы НЭПа, а задачи — к следующим трем пунктам. Во-первых, к исследованию дискуссионных вопросов о формах, методах и целях управления национализированным капиталом, рожденных внутри советско-партийного аппарата. Во-вторых, к рассмотрению «главкизма» в качестве частного (исторически-конкретного) случая проявления государственно-капиталистической тенденции, рожденной новой эпохой («империализма», «зрелого капитализма»). И в-третьих, к «дефетишизации» основных понятий, раскрывающих содержание системы товарного производства и обмена в пределах Советской России.

Вопреки утверждению В.И.Гриневецкого о том, что у пришедших к власти «интеллигентов» не было «реального плана» действий, созданный уже в декабре 1917 г. Высший совет народного хозяйства (ВСНХ) начал формировать новую структуру управления и контроля над индустриальным аппаратом страны на основе централизации материальных сил Советской России. Большевики унаследовали методы «государственного капитализма», порожденные эпохой мировой войны; этот период характеризовался углублением концентрации национального капитала и его сращиванием с государственным аппаратом во всех «великих державах» того времени. Новые формы «государственного капитализма» появились в качестве мобилизационного ответа на глубочайший кризис, порождённый Первой мировой войной в старых европейских метрополиях — Германии, Франции, Великобритании, России. Так, в Великобритании в середине 1915 г. функционировали 16 государственных заводов по производству боеприпасов, а к концу того же года — вдвое больше — 32 казенных предприятия. Министр снабжения (а с середины 1916 г. — премьер-министр) лейборист Ллойд-Джордж заявил в прессе: «Преимущество, которое национальный завод имеет перед простым сотрудничеством между различными фирмами, существует в экономии производств. […] Будет лучший контроль; будут лучшие удобства для инспекции; и мы думаем, что будет меньше беспокойств с рабочими — а это несомненное преимущество». См. [3, с. 12].

Важнейшим шагом на пути централизации промышленного аппарата стал всесторонний учет фабрично-заводских предприятий на подконтрольной большевикам территории. Так, в Петрограде все фабрики и заводы уже к апрелю 1918 г. были взяты «на карандаш», с распределением по отраслям и указанием адреса, первоначального названия предприятия и года основания, главнейших предметов производства как в довоенное, так и военное время, числа рабочих на 1 января 1917 и 1 апреля 1918 гг., а также числа и мощности двигателей. В список вошли все предприятия с не менее 10 рабочими или механическим двигателем мощностью 10 л.с. — всего 773 предприятий [4].

Вся масса хозяйственных проблем, связанных с дефицитом сырья, износом оборудования и транспорта была похожа на снежную лавину, накрывавшую молодую Советскую Республику. Гражданская война вступила в открытую фазу весной 1918 г. и времени на разрешение экономических вопросов «мирным» путем не осталось — ответом на них стал «военный коммунизм». В то время как развернулась масштабная работа по промышленной переписи, хозяйственная жизнь переживала крутые изменения, делавшие запоздалыми или несвоевременными вчерашние «планы». Многие хозяйственные мероприятия, направленные на установление рабочего контроля, были попытками управления предприятиями на местах. Эти в своей сущности необходимые, но децентрализованные выступления требовали от ВСНХ принятия объединяющих мер, без которых справиться с нарастающим хаосом было невозможно. Важно было централизовать контроль над промышленным аппаратом страны, оттолкнувшись от отраслевой структуры народного хозяйства. Так были созданы т.н. отраслевые «главные управления» (или просто «главки») — это был определенный шаг вперёд, хотя появившиеся учреждения и сосредоточились в большей степени на распределении, чем производстве.

Однако даже и эти меры «центра» были «децентрализованы». Как вспоминал Ю.Ларин, работавший в структуре ВСНХ с момента его появления, «целый ряд главков был учрежден «анархическим» путем, просто распубликованием в правительственной газете постановлений об их учреждении за моей подписью (Главсахар, Главбумага, Главлен, Центрмыло). Целый ряд других «главков» был затем подписан тов. Рыковым (Главтабак, Главспичка и д.р.), также без обсуждения в какой-либо из трех существующих у нас законодательных инстанций (ЦИК Советов, Совнарком или Президиум Высовнархоза)». Проведение решения об учреждении «главка» через СНК было скорее исключением из сложившейся практики (вопреки установленной юридической норме) — Ларин вспоминает о создании таким образом лишь Главторфа. «Постепенно к главкам привыкли, убедились в практической целесообразности их существования, стали привлекать их в разные учреждения (Совет внешней торговли), все более переносить в них организацию управления промышленности, превращать их в Главные управления национализированными предприятиями» [5, с. 3-4]. Образование механизмов государственного контроля и управления промышленностью было, таким образом, во многом стихийным процессом. Ярким примером успешных мер новой власти может служить организация Главспички: секрет которого кроется в том, что прототипом созданного главка послужил уже существовавший ранее спичечный синдикат, один из самых сильных и организованных в дореволюционное время, передавший в наследство рабочим подготовленный промышленный аппарат. Вместе с тем история знает целый ряд примеров, где централизация торопливо забегала вперед, опережая материальные возможности российской индустрии и нанося тяжелый урон своим неумелым вмешательством в процесс производства.

Учиывая как успехи, так и неудачи большевистской власти на экономическом фронте, Г.В.Цыперович, профсоюзный организатор и один из строителей новой хозяйственной системы страны, все же не соглашался с

пессимизмом спецов старой России вроде В.И.Гриневецкого. «Неверно утверждение, будто Октябрьская революция смела с лица земли все *формы* старых капиталистических отношений, — писал Цыперович. — Она сломала, разрушила *сущность* последних, уничтожила политическое и экономическое господство буржуазии над рабочим классом, но в то же время широко использовала чертежи и камни, приспособляя их к новой постройке» [5, с. 5]. Как указывал в июле 1918 г. еще один из пионеров строительства хозяйственного аппарата Советской республики Л.Н.Крицман — логика новой власти исходила из закономерностей самого капитала, стремящегося к концентрации: «По сути дела, синдикаты являются *коммерческими*, а тресты — *хозяйственно-техническими объединениями* отдельных *отраслей хозяйственной жизни.* Но подобно тому, как ВСНХ является завершением и *осуществлением в чистом*, не искаженном капиталистическим стремлением к прибыли *виде* тенденции капиталистического общества к объединению всей хозяйственной жизни страны, точно также и частные центры пролетарской диктатуры в области хозяйственной жизни должны завершить и осуществить в чистом виде тенденции капитализма к объединению отдельных отраслей хозяйственной жизни, выразившиеся в создании синдикатов и трестов» [5, с. 6].

Однако «военные» методы эпохи Гражданской войны не могли позволить главкам выйти за пределы функции «распределительных пунктов», а там, где те предпринимали собственную инициативу, она чаще всего оканчивалась безуспешно. Принятая ВСНХ в октябре 1918 г. «Программа деятельности главков и центров» имела мало общего с практическими результатами их работы. Оглядываясь назад Предреввоенсовета республики Л.Д.Троцкий указывал в 1923 г., что «централизованный «план» эпохи военного коммунизма не справился с задачей распределения ресурсов в интересах непрерывной работы промышленности» [6, с. 24].

Одним из следствий перехода к «новой экономической политике» в 1921 г. стало то, что «главки и центры *формально* исчезли с такой же быстротой, с какой и народились» [5, с. 18]. Последовавшая децентрализация управления, фактически отражавшая возрастание роли Губернских СНХ наряду с упразднением «главков», отнюдь не свидетельствовала о ликвидации методов главкизма. Инициатива по трестрированию крупнейших предприятий, запущенная большевиками, во многом повторила путь предшествовавшей централизации промышленности. Первоначально, согласно Наказу Совнаркома от 9 августа и постановлению СТО от 12 августа 1921 г., предполагалось объединить в тресты лишь самые крупные предприятия. Выставленным требованиям отвечало лишь *около десятка* трестов — ГОМЗ (Государственный трест машиностроительных заводов), Югосталь, Уралплатина, Северолес, Льноправление, ЭТЦР (Государственный электротехнический трест Центрального района) и др. Проблема заключалась в том, что большинство предприятий, не имевших большого государственного значения и рисковавших остаться без нежной государственной опеки, не были способны выжить в рыночных условиях НЭПа. В результате напряженной борьбы в рамках партийно-советского аппарата на Москву было оказано беспрецедентное давление, вынудившее расширить практику «трестирования» и в одночасье объявить «трестами» группы небольших заводов и даже мастерских. В итоге была «трестирована» почти вся государственная промышленность, не сданная в аренду (около 90% [7, с. 79]). Всего в начале 1920-х гг. было создано около *пяти сотен* (!) государственных трестов. Г.В.Цыперович оценивает их число в 485 трестов к февралю 1923 г., к которым следует добавить 28 комбинатов — всего 513 промышленных объединений [5, с. 21].

Явные несостыковки экономического и юридического значения понятия «трест» приводило иногда к пререканиям ведомств на местах. Так, когда Севзаппромбюро ВСНХ РСФСР, стремясь зафиксировать действительность в экономических терминах, постановило 31 октября 1923 г. переименовать новообразованный Петрокирпичтрест в «Объединение государственных Петроградских кирпичных заводов», на сторону «треста» встал юрисконсульт Севзаппромбюро. Последний указывал: «Действующее законодательство […] именует госпредприятия, переведенные на начала коммерческого расчета термином «трест», каковой подлежит и к Петрокирпичтресту. «Объединением» последний является постольку, поскольку он (в отличие от предприятий, образованных из одной производственной единицы) состоит из нескольких государственных кирпичных заводов. Однако это различие внутреннего состава госпредприятий закон не отражает в терминологии и присваивает наименование «трест» одинаково тем и другим» [Отношение юрисконсультской части Севзаппромбюро на ходатайство правления Петрокирпичтреста о его переименовании (9 ноября 1923) // ЦГА СПб. Ф. 1552. Оп. 4. Д. 16. Л. 60-60об.]. С «железной» логикой юристов, не собиравшихся брать в расчет не только структуру предприятия, но и его мощность и степень овладения рынком, Севзаппромбюро спорить не желало, взяв отвод своему прежнему решению. Объединенные в единый аппарат маломощные петроградские кирпичные заводы, нуждавшиеся в модернизации и расширении, хотели именоваться «трестом» и их желание нашло отклик хозорганах, в которых было *много дверей* [Ходатайство правления Петрокирпичтреста об отмене решения Севзаппромбюро о его переименовании (6 ноября 1923) // ЦГА СПб. Ф. 1552. Оп. 4. Д. 16. Л. 61-61об].

Оценивая результаты «трестирования», Г.В.Цыперович приходил в 1924 г. к неутешительному выводу, что «главки» и «центры», «почувствовав смертельную опасность со стороны новой экономической политики, поспешили изменить свою внешность для того, чтобы предохранить содержание от тяжелой руки ВСНХ» [5, с. 18]. Проведенная промышленная инспекция ВСНХ свидетельствовала в 1922 г. о следующих результатах «перехода»: «Московский кожевенный трест явился прежней Москожей без всяких перемен. Резинотрест — это переименованная Главрезина. Стеклофарфортрест — почти то же, что и ранее существовавшее Главстекло. Анилтрест — другое название для Главанила. Сахаротрест — несколько видоизмененный Главсахар. […]

Моссукно объединило почти все суконные фабрики Мостекстиля. Чаеуправление — опять простое переименование Главчай. Северопатока образовалась из прежней крахмально-паточной секции Главсахара» [8, с. 2].

Разумеется, дело не в названии, а в том, что эта «перемена вывесок» была осуществлена определенными лицами и группами лиц, сохранившими и защищавшими прежний хозяйственный уклад. С одной стороны, это были люди типажа «советского управленца» — относительно новые на производстве, пришедшие на свои места с революцией и знакомые лишь с практикой учета уже наличных сил, целиком полагавшиеся в вопросах производства на свой напор, на некоторых (не безвозмездно) услужливых спецов и на дотацию государственного бюджета. Другой типаж представляли собой делового человека и специалиста «старой закалки», прошедшего основательную школу хозяйствования в дореволюционных трестах и синдикатах. Они, как указывает Г.В.Цыперович, «быстро приспособились к нашей главкистской системе» и старались «подчеркнуть в ней наиболее приемлемые для себя черты» (Наиболее ярким примером могут служить дореволюционные монополии Продуголь и Продамет, предоставившие многие свои руководящие кадры для советского промышленного аппарата [5, с. 20]).

Очевидно, что новая трактовка понятия «трест» не была связана с уровнем концентрации капитала, а указывала на ответственность советских органов за материальную поддержку «трестированного» предприятия. Получавшиеся на деле тресты отнюдь не соответствовали приведенному выше определению Л.Н.Кринцмана их как «*хозяйственно-технических объединений* отдельных *отраслей хозяйственной жизни*» [5, с. 6], т.к. нередко они недотягивали даже до нужд местного рынка. Важно разобраться в терминах: такой «трест» объективно не равнозначен «тресту» как государственной монополии, т.е. инструменту упорядочивания и планирования производства. Новый смысл проведенного «трестирования» высвечивает прежде всего существование обратной связи: обязанности государственных органов перед предприятием, превращавшей государство в орудие предприятия — в его донора. Объявив войну на уничтожение излишнего централизма и бюрократизации промышленного аппарата, ВСНХ вскоре обнаружил, что «его меч скользит по поверхности, но до главкистского сердца добраться не может. Главкизм не уступил своих важнейших позиций, он только изменил свою внешность, избрал новое место жительства. Из главков и центров он перекочевал в управления всероссийских трестов и синдикатов» [5, с. 20].

Проиллюстрировать силу советской промышленности в первые годы НЭПа и уровень концентрации производства могут собранные данные по 380 трестам за первый квартал 1922 / 1923 хозяйственного года. Они показывают, что из них 240 трестов существовали, имея менее 1.000 наемных рабочих, а 500 из этой группы трестов — менее 500 рабочих. На один из трестов приходилось всего 390 рабочих, а на одно предприятие — немногим более 50. В целом 2/3 трестов собрали в цехах своих предприятий всего 10,3% всех рабочих трестированной промышленности. Это — мелкие предприятия, имевшие местное значение и привязанные к централизованному распределению средств государственной поддержки, без которой они были не способны выжить. В высшей степени показательно для определения уровня концентрации капитала в СССР то, что лишь 21 трест попадал в группу крупнейших — объединявших от 5.000 до 10.000 рабочих [7, с 79-80].

На нежизнеспособность многих созданных трестов указал сам рынок, принудивший к закрытию тысяч заводов и мастерских. Так, по кожевенной промышленности согласно переписи 1917 / 1918 года насчитывалось 4.647 предприятий, но в 1922 г. государство приняло на свой счет лишь 240 заводов, наиболее оснащенных и обеспеченных сырьем и рабочей силой. Остальные предприятия были либо законсервированы, либо сданы в аренду [9, с. 79]. Число металлообрабатывающих заводов и мастерских «местного значения», оторванных решением ВСНХ от централизованного бюджетного финансирования, сократились более, чем на треть до 876 предприятий (—389 предприятий с 1921 г.). Заводы «трестированной» металлообработки подверглись реструктуризации значительно меньше — было закрыто всего 6 заводов. Всего действующими предприятиями этой отрасли числились к концу 1922 г. 226 заводов [10, с. 229].

Советское государство, взявшее на себя сперва почти всю тяжесть национального промышленного капитала, под давлением рынка становилось более гибким, «сбрасывая балласт» тех или иных нежизнеспособных фабрик и заводов. Субсидирование промышленности из государственного бюджета было неразрывно связано с курсом рубля, и уже поэтому ставило пределы для поддержки трестов за счет эмиссии. В начале 1923 г. за определение *красных линий*, которые в поддержке промышленности нельзя переходить, развернулась масштабная дискуссия.

Разбирая вопрос о возможности предоставления трестам права брать кредит под основной капитал, Л.Д.Троцкий указывал в обращении к другим членам Политбюро, что не смотря на признание в качестве *major force* рыночной стихии, Советское «государство не может […] признать законы рынка последней и безапелляционной инстанцией». В условиях рыночной анархии «государство вмешивается с точки зрения более широкого плана и вносит поправку в работу сегодняшнего дня». Это относится, считал Троцкий, и к «системе задолженности государственных промышленных предприятий: в случае, если государство считает себя жизненно заинтересованным в сохранении своего обанкротившегося предприятия, оно выплачивает в известный срок его долги» [6, с. 24]. В своих «Тезисах о промышленности», представленных на рассмотрение в Политбюро 20 февраля 1923 г., Л.Д.Троцкий продолжает развивать свою мысль: государство должно играть далее все более агрессивную роль, направляя потоки бюджетных средств в сторону тяжелой государственной промышленности. «Тяжелая промышленность, — подчеркивал он, — едва пришедшая в соприкосновение с

рынком, целиком по существу зависящая от государственных заказов, нуждается для своего восстановления в *крупных и правильно рассчитанных* денежных вкладах государства» [6, с. 37].

В ответ на «Тезисы» последовала жесткая критика наркома путей сообщения и наркома внутренних дел, будущего председателя ВСНХ Ф.Э.Дзержинского: «Здесь нет анализа рынка, а потому нет никакого *конкретного* размежевания между регулирующей работой рынка и плановых государственных органов. «Хозяйственное маневрирование» может поэтому на практике превратиться во всеобщее шатание и произвол». Ф.Э.Дзержинский подчеркивал: «Эти тезисы слишком теоретичны (абстрактны), а потому могут породить неправильные выводы в нашей живой обстановке». Помимо прочего там «нет анализа борьбы внутри трестов государственного капитализма с просто капитализмом и оценки аппаратов наших хозорганов» [11, с. 34].

В своих претензиях к «Тезисам» Дзержинский весьма последователен, и его мысли относительно «условий нашей действительности» кажутся гораздо более практичными, нежели абсолютная вера Троцкого в рациональный расчет государственного аппарата (Троцкий подводит свои тезисы к тому, чтобы поставить Госплан в качестве центра нервной системы всего народного хозяйства). Неприглядная реальность заключалась в том, что тресты предоставляли ведомствам и Госплану «производственные программы, требующие не существующих в природе средств», что «органы смотрели на казну и государство как на неистощимый источник средств», что «никто не понимал, что черпать от эмиссии и крестьянства нельзя безнаказанно для самого существования Советского государства сверх ограничительных пределов».

Наиболее острыми были замечания Дзержинского, в которых он развенчивал миф о ясновидении Госплана: на деле с момента своего существования «Госплан был беспомощен, ибо из собственной головы ничего нельзя придумать, если процесс борьбы за советское хозяйство не совершил подбора низовых, первичных хозячеек, не накопил их опыта и работы, не разрушил до основания централизма эпохи военного коммунизма и не наладил наших советских аппаратов. Губит нашу промышленность не финансовая практика, а неразбериха и бесхозяйственность в самих хозорганах, непосильная для страны себестоимость изделий государственных предприятий, неправильно понятый ими нэп и убийственная ведомственность, засилье в аппаратах хозяйственных органов прямых врагов советского государственного капитализма» [11, с. 37, 38].

Ф.Э.Дзержинский защищал разделяемый большинством Политбюро взгляд на «основной капитал», в соответствии с которым тот является неотъемлемой частью государственного треста, которую категорически запрещено делить, продавать, обменивать, закладывать. За весь объем средств производства, переданных государством под управление треста, последний отвечал головой своих директоров и начальников. С одной стороны, залог основного капитала в заграничных банках был для Москвы по понятным причинам неприемлем. С другой, кредит под основной капитал в советских банках, считал Ф.Э.Дзержинский, лишь сильнее раздробит промышленный капитал, и без того страдающий от слабой концентрации, а также распространит хаос с рынка промышленных продуктов на финансовую сферу, что имело бы фатальные последствия для управления советской экономикой. В 1923 г. в Госплане насчитывали более 6,5 тыс. государственных предприятий [12, с. 78], и вести рентабельное производство многие из них еще не умели или не были способны; возложить трудности промышленного аппарата на банки значило бы перекладывать с больной головы на здоровую (во всяком случае — менее больную), и, в конечном счете, — подорвать государственный бюджет и поставить крест на политике установления стабильного курса национальной валюты.

Л.Д.Троцкий со своей стороны критиковал «грубый фетишизм» национализированного капитала: от того, что фабричные стены и станки числятся на балансе гостреста, считал он, работа его предприятий не становится более упорядоченной и коммерчески успешной. Во-первых, указывал Троцкий, «главной причиной поисков кредита государственных предприятий является именно недостаток оборотного капитала. В этих условиях предлагать им получать кредит только под оборотный капитал значит отсылать их от Понтия к Пилату, другими словами, это значит лишать их кредита». Во-вторых, если НЭП является признанием неспособности поставить производство Советской России на почву централизованного плана сейчас же при данных условиях, требующих «прибегнуть к методам рынка», то «запрещение кредитоваться под основной капитал есть в сущности сведение на нет в этой важнейшей обрасти методов новой экономической политики» [6, с. 23, 24].

Советское экономическое хозяйство было поймано в порочный круг дефицита материальных средств, порожденный изолированным характером русского сектора мирового рынка («русского плацдарма революции»). Современное производство требует для себя международного масштаба, вопреки популистским иллюзиям об «автономном рынке» или «социализме в одной стране»; крестьянское натуральное хозяйство имеет привилегию быть автономным и «независимым», индустрия новейшего времени — нет. Ф.Э.Дзержинский, Л.Д.Троцкий, Н.И.Бухарин, Ю.О.Пятаков, Г.Я.Сокольников и другие большевики пытались разомкнуть этот круг в разных точках. Предлагая свои рецепты, они все грешили, как осторожно указывал в своем знаменитом «Письме к съезду» В.И.Ленин, либо «схоластичностью» взглядов (Бухарин), либо «администраторским увлечением» (Сталин, Троцкий и Пятаков).

Столкнувшись по вопросу о перспективах советской государственной промышленности, члены ЦК РКП(б) обнаружили отсутствие единого мнения. Большинством голосов пленума ЦК РКП(б) (1922) было принято решение об трестах, проясняющее многие спорные вопросы. Но это решение было не окончательным, и по многим неразрешенным пунктам дискуссия продолжалась. Так, вопрос о кредитовании трестов по настоянию Л.Д.Троцкого решением Политбюро ЦК РКП(б) был открыт для «строго делового дискуссионного

обсуждения […] на страницах специальной экономической прессы». Отдельным пунктом подчеркивалось, что его окончательное решение — исключительная прерогатива Пленума ЦК партии, который будет собран в будущем [Решение Политбюро ЦК РКП(б) «О кредитовании» (28 марта 1923) // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 344. Л. 2]. Это уточнение было неслучайным, поскольку Троцкий инициировал дискуссию буквально накануне «опубликования декрета о трестах в советском порядке», приоткрывая тем самым перед глазами армии чиновников и нэпманов внутреннюю кухню принятия экономических решений, с борьбой на самых высоких этажах власти. Эта демонстрация внутренней неопределенности центрального советско-партийного аппарата в вопросе о важнейшем элементе народного хозяйства — национализированном капитале — обостряла аппетиты местных хозяйственных групп и потенциально усиливала «главкизм», позволяя ему использовать противоречия между наркоматами, советскими и партийными органами и т.д.

Декрет «О государственных промышленных предприятиях, действующих на началах коммерческого расчета (трестов)» был официально принят ВЦИК и СНК 10 апреля 1923 г. [13, ст. 336]. Как можно увидеть из названия, содержание «треста» определялось, во-первых, вопросом о собственности капитала предприятия (принадлежность основных фондов государству) и, во-вторых, указанием на рыночную основу его функционирования (коммерческий расчет для получения прибыли). В соответствии с декретом, тресты получали полную свободу хозяйствования в рамках утвержденных Уставов предприятий, трестам отходило право найма и расчёта наемной рабочей силы, распоряжения оборотными средствами, пользования заемными средствами (формировать долговой счет), они могли планировать и передавать для согласования и совета органам ВСНХ и Госплан свою производственную программу. Хотя распоряжение основным капиталом (здания, машины и оборудование) в смысле свободы продажи на рынке не входило в полномочия управления трестов, это ограничение скорее следует признать констатацией отсутствия децентрализованного рынка капитала на территории Советской России.

Сам вопрос о собственности не стоит сводить к формально-юридическому смыслу во избежание неверных выводов. Роль Правления треста можно вполне сравнить с советом директоров какого-нибудь акционерного общества, поставленного акционерами в определенные рамки — достичь цели наиболее интенсивного накопления капитала при минимальных растратах основных капитальных средств. В советских условиях единственным «акционером» треста являлось государство, выступающее на рынке как «идеальный совокупный капиталист» [14, с. 290], предоставляя широкую автономию своим предприятиям. «Ручное управление» со стороны «центра» оставалось возможным, но в ограниченной форме специальных постановлений СТО (допускалось установление цен ниже рыночных, но не ниже себестоимости с начислением средней прибыли).

«Трестирования» промышленности в осуществленном формате оказалось совершенно недостаточно для нормального функционирования предприятий в условиях рынка. Помимо производства товарных продуктов их еще необходимо было реализовать на рынке по тем ценам, которые за них запрашивали производители. Неумелость трестов торговать самым ярким образом проявилась в кризисе 1923 / 1924 хозяйственного года, когда наличные в распоряжении трестов оборотные средства быстро закончились, в то время как склады заполняли массы нереализованной продукции. Чтобы разрешить эту проблему был усилен процесс *синдицирования* трестов, в рамках которого сверх производственных объединений формировался дополнительный надстроечный аппарат, который брал на себя регулятивные и/или коммерческие функции. Уже к началу 1923 / 1924 хозяйственного года синдикаты объединяли половину наиболее крупных трестов — «Правда» писала об охвате синдикатами 51% трестов с 79% наемных рабочих соответствующих отраслей [8, с. 83]. В тяжелых производствах (металлопромышленность, машиностроение, химпром и т.д.) значение синдикатов было конвенционным и сводилось к устранению наиболее вопиющих случаев конкуренции государственных трестов между собой. Те отрасли индустрии, которые реализовывали свою продукцию на потребительском рынке либо выходили с ними на экспорт синдицировались несколько иначе — их синдикатам отходили торговые и заготовительные функции, а синдикаты лесной промышленности и производства спирта имели также широкие права в области управления производством.

Причина такого разнообразия хозяйственных форм ясна: низкий уровень концентрации капитала всюду рождал стихию и произвол на местах. Г.В.Цыперович указывал на темп создания синдикатов, совпадавшим «с быстротой ликвидации главков и центров». Иначе говоря, «центры были еще целиком во власти отдельных отрицательных главкистских настроений, когда появившиеся синдикаты попробовали вернуть главкизм в замаскированной форме» [5, с. 21]. Обобщая получаемый о государственной промышленности материал, В.И.Ленин в своих последних распоряжениях указывал на необходимость «чистки гострестов и проверки их грабежей» [15, с. 421].

Подводя промежуточный итог новой экономической политики, сессия ЦИК СССР в постановлении от 12 ноября 1923 г. утвердила список «союзных предприятий». В него были включены предприятия, куда вошли все военные заводы, крупнейшие тресты и автономные предприятия металлической, горной, нефтяной, лесной, химической, бумажной и текстильной промышленности. Легкая и пищевая промышленность отошла под управление ВСНХ союзных республик, остальными — ведали местные совнархозы. Это разделение обуславливалось усложнением административного аппарата вслед за образованием СССР. Ее промышленность была разделена на три группы: союзную, республиканскую и местную. Промышленность союзного значения вначале объединила 72 треста — это 800 важнейших предприятий с 545 тыс. рабочих, т.е. около 14% всех промышленных трестов, 25% предприятий и 60% рабочих [7, с. 85].

«Предприятия союзного значения управлялись непосредственно ВСНХ СССР. Вместе с тем определенное влияние на их работу оказывали и ВСНХ союзных республик. Было в частности установлено, что при рассмотрении в ВСНХ СССР вопросов о деятельности союзных предприятий в обязательном порядке представлялись заключения ВСНХ союзных республик». Центральное управление государственной промышленностью «союзного значения» (ЦУГПром) ВСНХ СССР осуществляло «непосредственное руководство предприятиями общесоюзного значения» [7, с. 85]. Однако помимо ЦУГпрома в структуре ВСНХ существовали также Главное управление металлической промышленности (Главметалл) и Главное управление электротехнической промышленности (Главэлектро), Военно-промышленное управление и др. Для управления предприятиями республиканского значения в составе ВСНХ СССР было сформировано Главное экономическое управление (ГЭУ), при котором находились Промышленно-экономический совет, Промплан, Стройплан и т.д. Нетрудно заметить, что в сложившейся структуре просматриваются очертания нового издания «главкизма».

Перечисление структур и ответственных органов дает в действительности мало представления о реальных механизмах функционирования государственной промышленности, в которых важнейшее значение сохранялось у отраслевых, региональных и подведомственных групп. Если изучать историю экономического развития по декретам и распоряжениям советской власти, то может сложиться весьма нереалистичная картина. Как указывает российский историк Е.А.Осокина, советские исследователи «социалистической экономики», как правило, «рассматривали реальный исторический процесс через призму постановлений партии и правительства. <…> Выдавая желаемое за действительное, они частенько подменяли анализ реального положения дел в стране анализом постановлений. <…> Если постановление гласило, что были установлены определенные нормы [продовольственного снабжения], то историки писали, что население их действительно получало; если правительство говорило, что карточная система способствовала борьбе со спекуляцией, то так и было на деле. Подмена реальной истории историей постановлений приводила к неверным выводам» [16, с. 30-31]. Кажется очевидным, что история хозяйственного «плана» и хозяйственной «анархии» СССР меньше всего подходит для того, чтобы изучать ее формально-юридическими методами. А значит, эта актуальная тема нуждается в детальном переосмыслении на основе четкого понятийного аппарата.

1. Гриневецкий В.И. Послевоенные перспективы русской промышленности. Харьков: Изд. Всероссийского центрального союза потребительных обществ, 1919. 210 с.
2. Мухин М. Сто лет изучения нэпа. Время подводить итоги? // Российская история. 2020. Сентябрь-октябрь. № 5. С. 3-14.
3. Моне Л.Ч. Торжество национализации. М., Пг.: Госиздат, 1923. 91 с.
4. Список фабрично-заводских предприятий Петрограда. По данным на апрель 1918 г. Пг.: [Изд. СНХ Северного района], 1918. 64 с.
5. Цыперович Г. Главкизм. М., Пг.: Госиздат, 1924. 105 с.
6. Архив Троцкого. Коммунистическая оппозиция в СССР. 1923—1927. Т. 1. М., 1990. 261 с.
7. История социалистической экономики СССР. Т. 2. Переход к НЭПу. Восстановление народного хозяйства СССР. 1921—1925. М.: Изд. «Наука», 1976. 479 с.
8. Наша трестированная промышленность: По данным Технопромышленной инспекции / Под ред. и с предисл. А.Трояновского, НРКИ. М., 1922. 71 с.
9. Промышленность и торговля: Материалы к XI партийному съезду РКП(б). М.: 7-я тип. МСНХ, 1922. 91 с.
10. Народное и государственное хозяйство СССР к середине 1922 / 1923 г. М.: Изд. Финэкбюро НКФ СССР; 3-я типография МСНХ, 1923. 782 с.
11. Индустриализация Советского Союза. Новые документы. Новые факты. Новые подходы. В 2 ч. Ч. I. М., 1997. 304 с.
12. Струмилин С.Г. Проблема промышленного капитала в СССР. М.: Эк. жизнь, 1925. 134 с.
13. Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства РСФСР. 1923. № 29.
14. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2. Т. 20. М., 1961. 858 с.
15. Ленин В.И. Полн. соб. соч. Изд. 5. Т. 45. М., 1964. 729 с.
16. Осокина Е.А. За фасадом «сталинского изобилия»: Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации. 1927—1941. М.: РОССПЭН, 2008. 351 с.

References

1. Grinevetskiy V.I. Poslevoennye perspektivy russkoy promyshlennosti [Postwar Prospects of Russian Industry]. Khar'kov, 1919. 210 p.
2. Mukhin M. Sto let izucheniya nepa. Vremya podvodit' itogi? [One hundred years of studying the New Economic Policy. Time to sum up?]. Rossiyskaya istoriya, 2020, Sentyabr'-oktyabr', no. 5, pp. 3-14.
3. Mone L.Ch. Torzhestvo natsionalizatsii [Triumph of Nationalization]. Moscow, Petrograd, 1923. 91 p.
4. Spisok fabrichno-zavodskikh predpriyatiy Petrograda. Po dannym na aprel' 1918 g. [List of factory and factory enterprises in Petrograd. As of April 1918]. Petrograd, 1918. 64 p.
5. Tsyperovich G. Glavkizm [Glavkism]. Moscow, Petrograd, 1924. 105 p.
6. Arkhiv Trotskogo. Kommunisticheskaya oppozitsiya v SSSR [Communist Opposition in the USSR]. 1923—1927. Vol. 1. Moscow, 1990. 261 p.
7. Istoriya sotsialisticheskoy ekonomiki SSSR, vol. 2. Perekhod k NEPu. Vosstanovlenie narodnogo khozyaystva SSSR. 1921—1925 [History of Socialist Economy in the USSR. T. 2. Transition to the NEP. Recovery of the national economy of the USSR. 1921—1925]. Moscow, 1976. 479 p.
8. Troyanovskiy A., ed. Nasha trestirovannaya promyshlennost': Po dannym Tekhnopromyshlennoy [Our Trust Industry: On the Data of the Techno-Industrial Inspectorate]. Moscow, 1922. 71 p.
9. Promyshlennost' i torgovlya: Materialy k XI partiynomu s"ezdu RKP(b) [Industry and Trade: Materials for the 11th Party Congress of the RCP(b)]. Moscow, 1922. 91 p.
10. Narodnoe i gosudarstvennoe khozyaystvo SSSR k seredine 1922 / 1923 g. [National and State Economy of the USSR in 1922—1923]. Moscow, 1923. 782 p.

11. Industrializatsiya Sovetskogo Soyuza. Novye dokumenty. Novye fakty. Novye podkhody [Industrialization of the Soviet Union. New documents. New facts. New approaches]. V 2 ch. Ch. I. Moscow, 1997. 304 p.
12. Strumilin S.G. Problema promyshlennogo kapitala v SSSR [The Problem of Industrial Capital in the USSR]. Moscow, 1925. 134 p.
13. Sobranie uzakoneniy i rasporyazheniy rabochego i krest'yanskogo pravitel'stva RSFSR [Collection of Laws and Orders of the Workers' and Peasants' Government of the RSFSR], 1923, no. 29.
14. Marks K., Engel's F. Works, vol. 20. Moscow, 1961. 858 p.
15. Lenin V.I. Complete works, vol. 45. Moscow, 1964. 729 p.
16. Osokina E.A. Za fasadom "stalinskogo izobiliya": Raspredelenie i rynok v snabzhenii naseleniya v gody industrializatsii [Behind the facade of "Stalin's abundance": Distribution and market in the supply of the population in the years of industrialization]. 1927—1941. Moscow, 2008. 351 p.

Sapronov I.M. "Deathproof glavkism" and state plants financing: economic policy of Bolsheviks in 1917—1923. Economic policy is always shaped by multiple factors and eventually turns out to be an attempt to reconcile chaotic and often unpredictable movement of the market with plans of the most centralized capitalistic groups. Implementation of general policy in Soviet Russia initially started from the General Plan that had been shaped by the state of the "proletarian dictatorship" — the state which brought all the major means of production under its control. However, centralization and directness of this process was an optical illusion, while the anarchy of the market did not weaken but only changed its form, taking the guise of "state capital". This process was best reflected in the dynamics of the Russian industry "trustification" and the harsh discussions in Politburo of the RCP(b) on the question of the financing of national industry. Demonstration of the struggle of "glavki" and "centers" (which brought together formally state-owned plants) will enable a clearer account to be made of the acting forces which often had a decisive influence on the content of Bolsheviks' economic policy.

Keywords: Russian economy; economic history; Soviet industry; industrialization; economic planning.

Сведения об авторе. Игорь Михайлович Сапронов — аспирант Санкт-Петербургского Института истории РАН; главный архивист Центрального государственного архива Санкт-Петербурга; ORCID: 0000-0001-7671-2707; igorsapronov@gmail.com.

Статья публикуется впервые. Поступила в редакцию 15.03.2021. Принята к публикации 10.05.2021.

Ссылка на эту статью: Сапронов И.М. Неубиваемый «главкизм» и вопросы финансирования госпредприятий: экономическая политика большевиков в 1917—1923 гг. // Ученые записки Новгородского государственного университета. 2021. № 4(37). С. 389-396. DOI: 10.34680/2411-7951.2021.4(37).389-396

For citation: Sapronov I.M. "Deathproof glavkism" and state plants financing: economic policy of Bolsheviks in 1917—1923. Memoirs of NovSU, 2021, no. 4(37), pp. 389-396. DOI: 10.34680/2411-7951.2021.4(37).389-396